

ВАМ БЕЗВРЕМЕННО
ВЕРШИМ
ВИДЕНЫМ ТРАГЕДИЮ

В ДУХАХ

НАШИХ

Расстрелянная совесть

Сталк репрессированных

К 20-летию Первского крестового отделения
международного общества «Мемориал».

Стихи Ирины Кизиловой
Музыка Виктора Гусарова

Гимн Пермского «Мемориала»

Я люблю вас, родные и близкие,
Дорогие мои пермяки!
Ваши судьбы сродни обелискам.
Пьем из памяти - горькой реки.

Вы - живые страницы истории,
Я героями вас бы назвал.
Вы своими руками построили
Вечный памятник - «Мемориал».

Как старались их вырвать из памяти,
Те страницы. Но он им не дал,
Возведенный над временем замути
Вечный памятник - «Мемориал».

Вы не винтики и не изгой вы,
Не строительный материал.
Люди вы. И вы сами построили
Вечный памятник - «Мемориал».

Годы с вами прожитые, трудные
Я б на легкую жизнь не сменял.
Всех зовет от беспомыслия трубами
Вечный памятник - «Мемориал».

Я люблю вас, родные и близкие,
Дорогие мои пермяки!
Ваши судьбы сродни обелискам.
Пьем из памяти - вечной реки.

Расстрелянная совесть

Стихи репрессированных

К 20-летию Пермского краевого отделения
международного общества «Мемориал».

г. Пермь, 2008 г.

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5

Н 57

Составитель И.Д. Кизилова

Редактор А.М. Калих

Расстрелянная совесть
Стихи репрессированных
- Пермь, 2008. – 34 стр.

Н 57

© Расстрелянная совесть. Стихи репрессированных, 2008
Пермское краевое отделение международного
историко-просветительского, правозащитного и
благотворительного общества «Мемориал»
© В.А. Боровых, дизайн, верстка, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	6
Анна Бердичевская	8
Вера Богданова	9
Василий Докукин	10
Николай Домовитов	14
Майя Загудаева	15
Серафима Левенсон	17
Петр Лопатин	19
Осип Мандельштам	20
Михаил Мехряков	22
Евгений Мочилин	24
Владимир Пантелеев	27
Николай Пинаев	29
Алексей Решетов	29
Михаил Сопин	30
Варлам Шаламов	31

К читателю

Перед вами второй сборник стихов, написанных теми, кто пострадал в годы сталинских репрессий. Первый был издан в 2004 году. Нынешний выпуск посвящен двум датам: Дню памяти жертв политических репрессий и 20-летию «Мемориала».

Авторы представленных в сборнике стихов, так или иначе, связаны с Пермским краем: то ли жили здесь, пока на них или их близких не накатило колесо репрессий; то ли именно в пермских тюрьмах, лагерях, спецпосёлках отбывали наказание, оказавшись безвинными жертвами коммунистического террора.

Со времени издания первого сборника прошло 5 лет. Много сделано за эти годы «Мемориалом» для того, чтобы увековечить память о жертвах политических репрессий. Раскрыты новые страницы темного прошлого страны под уже подзабытым названием СССР. Изданы новые тома «Книги памяти». Поставлены новыеobelisks и памятные знаки в районах расположения бывших лагерей ГУЛАГа, мест захоронений жертв террора, записаны воспоминания многих репрессированных.

Когда этот сборник готовился к изданию, нам позвонил Анатолий Павлович Кузнецов, житель Кировского района Перми, член общества «Мемориал». Он рассказал, что бывал на 12-м километре Московского тракта под Свердловском (нынеш-

ний Екатеринбург), где в годы «Большого террора» (1937-1938) были расстреляны около 7 тысяч пермяков. Упокоился среди них и прах отца А. П. Кузнецова. Так вот, там еще до создания большого официального мемориального комплекса Анатолий Павлович видел самодельные памятные знаки, укрепленные на растущих в этом месте деревьях. Был там и небольшой, тоже самодельный, обелиск, на котором висела табличка с четверостишием:

*Вам, безвременно умершим,
Видевшим трагедию страны,
В душах человеческих воскресшим,
Низко кланяемся мы.*

Анатолий Павлович предложил считать эти строки эпиграфом к новому сборнику стихов. Мы тоже там бывали много раз и в те времена, о которых вспоминает Анатолий Павлович, и позднее. Это четверостишие нам тоже врезалось в память. Мы согласны: его можно считать эпиграфом к этому сборнику.

Да, кланяемся низко-низко и обещаем продолжать делать всё, чтобы память о жертвах политических репрессий в СССР оставалась нетленной на века, и чтобы больше никогда не прокатывалось «красное колесо» террора по судьбам российских людей.

**Ирина Кизилова,
член правления Пермского краевого отделения
международного общества «Мемориал»**

РОДИНА

При Берии-голубчике
Студёною зимой
Архангелы в тулупчиках
Везут меня домой.
Январь, сугробы розовы,
Река сверкает льдом.
По рощам по берёзовым
Мы едем в детский дом.
Сугробы те растаяли,
Раскисли без следа,
Архангелы состарились,
А горе — не беда.
Лаврентий Палыч Берия
Расстрелян был потом...
Но помню и теперь я
Дорогу в детский дом:
Сотрудники милиции
Подсолнухи грызут,
Меня румянолицую
По Родине везут.

Так будем же
Памяти этой – достойны!
И пусть навсегда
стихнут грязные войны!
И только спортивных
баталий азарт
Нам согревает
сердца.

Василий Докукин

ПАМЯТНИК

Как знак благодарной памяти,
Что каждый в сердце хранит,
Жертвам репрессий памятник
В Краснокамске стоит.

Всем, кто лишён был свободы,
Жертвой репрессий стал,
Тем, кто в тридцатые годы
Труд подневольный познал.

Тем, кто по ложным доносам
Подло в застенках убит,
Кто жизни лишён под Свердловском
И в братской могиле зарыт.

Кого за людей не считали,
Кто «винтиком» в обществе был,
Палач всех народов Сталин
Тогда никого не щадил.

Такую провел он чистку,
Что каждый в стране дрожал,
Людей казнили по спискам,
Что он в кремле утверждал.

Такие ввели порядки,
Что всем стало тошно жить.
В области шли разнарядки:
Сколько людей истребить.

Стало испытанным средством:
Лагерь, тюрьма, конвой.
Свой же народ, советский,
Гнали, как скот, на убой.

Только у нас, в Краснокамске,
Когда он посёлком был,
Режим губительный, хамский
Несколько сот истребил.

А сколько в тюрьмах сидели,
Гибли в концлагерях,
На спецпоселеньи корпели
Со взглядом потухшим в глазах.

В вечность те канули годы.
Сталинский рухнул режим.
Кто не дожил до свободы,
Память о них сохраним.
Потомкам скажу в назиданье:
«Никто пусть не будет забыт».
Как вечное напоминанье,
Пусть Памятник этот стоит!

ПОСЕЛЕНЦЫ

На Север шли эшелоны,
Ссылных везли на Урал,
Как скот, в товарных вагонах.
Так вождь тогда приказал.

Здесь множество поселений:
Вишера, Краснокамск, Чусовой,
Кизел, Коса, Углежжение,
Чёрмоз, Чуртан, Луховской...

В них люди, как каторжане,
Везде непосильный труд,

Условия – на выживание,
Если сбежишь – найдут.

Попробуй без разрешения
Покинуть посёлок свой,
У власти не жди снисхождения:
В лагерь отправит конвой.

Так жили многие годы,
Но верили в освобождение.
Пришла, наконец, свобода,
Закончилось спецпоселение.

Сменилось людей поколение,
Давно улетучился страх,
Но термин тот «поселение»
У многих опять на устах....

С реформой самоуправления
В Москве Козак намудрил,
Ввел термин «поселение»,
А приставку «спец» опустил....

...Быть может, изменения
Ещё другие грядут,
И вывеску «спецпоселение»
На воротах кладбищ прибьют!

МЕЖА

Хоть словечко сказать бы парнишке,
Да нельзя мне нарушить между:
Он стоит с автоматом на вышке,
Я по зоне с лопатой хожу.
По звериному, злomu закону,
Не щадя на земле никого,
Меня сталинцы бросили в зону
И на вышку подняли его.
Семизначный гулаговский номер
Пятый год я ношу на груди,
Оттого я, наверно, не помер,
Что полсрока еще впереди.
А на вышке дозорной часами
Друг стоит, на морозе дрожа,
И безмолвно лежит между нами
Всенародного горя межа...

РАССТРЕЛЯН В 38-М

*Посвящается моему отцу –
Петру Константиновичу Премудрову,
расстрелянному в 1938-м году*

Слёзы капают на лист бумаги,
Невозможно не писать.
Перелистав страницы жизни,
Лишь осталось вспоминать...
Счастье было так недолго,
Детство мигом пронеслось.
Больше нет со мною рядом
Нежных, дорогих отцовских рук

и слов.

Ну почему же так случилось?
Детский ум понять не мог:
Почему вся жизнь перевернулась?
Мама стала очень грустной,
У сестры и голос сник.
Что же всё-таки случилось?
Почему вдруг другой настрой?
Появился термин непонятный
«Враг народа» над семьей.
В моей памяти остался взгляд
Прощальный и слова отца:
«Будьте счастливы, умны, дочурки.

Ухожу не навсегда».

Твоя звезда нам с высоты

Указывала путь:

Идти вперёд, любить народ, страну свою.

Шли годы и, наконец,

В душе свобода появилась.

Как долго всем она лишь снилась.

У всех, кто здесь собрался,

Сейчас, я знаю, огромная тоска:

Как жалко, что ушли из жизни

Люди – герои Родины своей,

Оставив своих любимых

Жен, сынов и дочерей.

И хочется, друзья, воздать вам славу.

Несникли мы, работали,

Прошли войну и лагеря

И превратили Родину свою

В великую державу.

Расскажем детям, внукам,

Правнукам своим,

Что не согнула нас беда.

Мы были, есть и будем все в строю,

друзья!

И хочется в конце сказать:

«Историю страны не надо забывать!»

У ТЮРЬМЫ

Последней горстью звезд еще играла ночь,
Когда я молча шла вдоль длинного забора.
Мне было тяжело. Гнала я думы прочь.
Они назойливы, – их не отгонишь скоро.
Здесь ночью, у тюрьмы, когда кругом всё спит...
О, Боже мой, зачем? Напрасно жду ответа.
Лишь город изредка, как старый инвалид,
Вздыхает тяжело в предчувствии рассвета.
Он ночью ни на час не позабылся сном.
Он жил, тревожно жил в огнях автомобилей,
Скользивших без гудков по улицам, тайком –
То арестованных по тюрьмам развозили.
Передо мной стена. За той стеной отец.
Как холодно вокруг, всё серой мглой покрыто...
Где ж правосудие, где правда, наконец?
«Великий рулевой», я требую ответа.
Упорно ты молчишь, и всё молчит кругом.
Что сделал он? Скажи, брось прямо обвиненье.
Ты не находишь слов, а в сердце молотком
Мне ненависть стучит и скорбное презренье.
Я шла, светлел восток, и каждый шаг будил
Всё то тяжёлое, что было пережито,
И много старых ран заныло вдруг в груди.
Одна из них была почти забыта
Ноябрь. Рассвет так холодно уныл.

Опавшая листва да ветра завыванья...
О, только бы теперь в душе хватило сил,
Чтоб стойко выдержать всю тяжесть ожиданья.
А завтра с пафосом мне будут говорить
И со страниц газет, по радио и в школе
«Как мудр великий вождь! Какое счастье жить
В стране, не знающей ни гнёта, ни неволи!»,
Что Сталин – это тот, кто вывел нас из тьмы,
Что нет счастливей нас теперь во всей вселен-
ной...

И это скажут мне, пришедшей от тюрьмы,
Мне, встретившей рассвет на площади тюремной.
Ноябрь, 1937 год

* * *

Не плакать – взвыть боюсь от муки
В бессильном приступе тоски.
О, как легко взять сердце в руки
И разорвать его в куски.
Вы десять лет его пытали,
То леденя, то вновь согрев,
А нынче попросту сказали,
Что наступил конец игре.
О да, теперь я верю, верю,
Что нет отца давно в живых,
Что есть на свете люди- звери,
Но звери всё же лучше их.

1947 год

Мне хочется кричать от боли и стыда,
В подушку броситься и рвать её зубами.
Кричать о том, что принципы продав,
Вы в грязь втоптали собственное знамя.
Что в новой роли – роли палача
Веками угнетённого народа
Вы, как обычно, рубите с плеча,
Твердя при этом про любовь к свободе.
В моей душе, как в проруби темно,
И не ищу себе я оправдания:
Ведь я с сегодня с вами заодно –
Я помогаю вам своим молчаньем.

1953 год

Пётр Лопатин

КУЛАКИ

По дикой тайге за Уралом
Идет заготовка лесов.
Как много народа сослали,
Под видом врагов-кулаков!

Скотину и дом отобрали,
В амбарах зерно замели.
Одежду, что лучше, сорвали.
С конвоем в тайгу повезли.

В доме родном и уютном
Люди чужие живут.
Сохнут кусты молодые,
Сирени уже не цветут.

Сосланы все без причины –
ребенок и старенький дед.
И нет тяжелее кручины:
Закона защитного нет.

В общий барак поселили,
Там некуда даже прилечь.
Не грела, хоть как ни топили,
Худая железная печь.

Осип Мандельштам

* * *

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых кровей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17-28 марта 1931, конец 1935

СТАЛИН

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,

Как подковы, кует за указом указ -
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз,
Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

1933 год.

* * *

Черная ночь, душный барак,
Жирные вши...

1938 год.

Михаил Мехряков

ЧУЖОЙ

*Посвящается Мехрякову Якиму Ивановичу,
моему деду*

Вернулся...
От «звонка и до звонка»
прошел.
Не сдал, не умер,
жив
(пусть без ноги,
пеллагрой трачен...).

За десять лет
детишки подросли.
Меня не помнят:
- «Кто этот дядька?
Он чужой!»

- и в плачь.

Как объяснить,

Что я родной?

Отец.

(Не тот, что стал для них

«отцом народов»,

а просто «тятя»,

родная кровь).

Пахал,

растил детей,

молился Богу,

властям смиренным был

и стал «врагом народа».

Как объяснить,

что враг народа –

ложь, алчность,

страх, насилие, террор,

потеря памяти, нелюдьё,

непротивление?

* * *

Меня уж нет...

Но ноет сердце

(как та нога,

которой нет):

я все еще чужой.

И СНОВА БАМ?

БАМ

БАМ.

БАМлаг.

Унылый

рельсы звон.

Толь на обед,

а толь на панихиду?

Хоть, впрочем,

панихид здесь нет.

Свалили в ров

и ломом в грудь

(на всякий случай –

вдруг живой?)

* * *

И декабрист

в цепях

заканчивал свой путь

в читинских рудниках,

в неволе.

Прошло столетье

с лишним:

Снова БАМ –

теперь мой дед
и дядя там.
БАМ.
БАМ.
Как колокол
В предсмертье.

Война прошла.
И снова БАМ:
дорога в никуда.
Гудят гудки:
Куда, куда, куда?

Евгений Мочилин

ПАМЯТИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Мы собрались не в первый раз,
Чтобы почтить усопших память.
И слезы капаят из глаз,
И сердце сжалось, словно камень.

За что их жизнь оборвалась?
За что гноили в казематах?
За что стреляли кучей враз?
За что водили по этапам?

Мы пережили страх и горе.
Мы закалились, как в бою.
Обиды ядом стали в горле.
Мы помним нищету свою.

Но время горе притупило.
Потомки, отпрыски живут.
Другое время наступило.
Нам имя доброе вернут.

Вернут бумажками в печатях.
Вернут деньгами за дома.
Но не вернут судьбу в печалях
Имён «вражат» и «сатана».

Мы помним вас, родные наши.
Господь лелеет вас в раю.
Мы молимся за царство ваше
В небесном солнечном краю.

30 октября 1997 г.

Владимир Пантелеев

*Посвящается отцу моей жены Инны Пантелеевой
в девичестве Зайцевой – Евтихию Даниловичу Зайцеву,
расстрелянному по делу Николая Бухарина, и ее дяде Ивану
Даниловичу Зайцеву, отсидевшему 17 лет в сталинских застенках
тоже по делу Бухарина*

ПАЛАЧИ

*Это стихотворение написано
от имени расстрелянного отца
10-месячной Инночки Зайцевой)*

Солнце село на землю устало,
Отгорели рябины в саду.
Ты так, доченька, громко рыдала,
Словно чуяла сердцем беду.

Ты просила вернуться, бедняжка,
И ручонки тянула свои,
Когда двое в военных фуражках
Уводили меня из семьи.

А потом беспрестанно вопросы...
Все смешали и ночи и дни.
И меня после этих допросов
На носилки бросали они.

Растерзали и тело, и нервы,
Без причины в измене вина.

Я бы мог быть в строю в сорок первом,
Но свои расстреляли меня.

Вы трудились в застенках до пота-
Миллионы исчезли в ночи.
И «рябой» был доволен «работой».
Как вас терпит земля, палачи!

ЭКЗАМЕН

Помолчим и забудем упреки.
Мы сегодня от встречи пьяны.
То, что оба с тобой одиноки,
Ни моей, ни твоей нет вины.

Не услышал я речь прокурора –
Осудили меня без суда.
И не стрелки, не луч светофора –
Развела нас с тобою беда.

А сейчас, когда даришь улыбку,-
Будто не было мрака тюрьмы.
Милый друг, одиночества пытку,
Как не трудно, но вынесли мы.

Ведь, любовь была прочной, как камень,

Было время все в жизни понять.
И разлуку, как страшный экзамен,
Сдали мы, как и в школе, на пять.

Николай Пинаев

В ГРУППЕ РИСКА

Ты чуть другой? Ты – в группе риска.
Уже потоком, без конца в НКВД
Приходят списки. И «чёрный ворон» у крыльца.
А «тройки», словно Боги, ждут,
Чтоб суд неправедный вершить.
И на неправедном пути
Обиды вспомнить может каждый
И счета старые свести...
Но были те, кто не ломались
И ад прошли за кругом круг...
А стройки в небо поднимались –
Творенья их ума и рук.

Алексей Решетов

* * *

Когда отца в тридцать седьмом
Оклеветали и забрали,
Все наши книги под окном
Свалили, место подобрали.
И рыжий дворник подпитой,

При всех арестах понятой,
Сонеты Данте и Петрарки
Рвал на вонючие сигарки.
Осколок солнца догорал,
Из труб печных летела сажа,
И снова Пушкин умирал,
И Натали шептала - Саша...

Михаил Сопин

* * *

Снимали в профиль и анфас
Радетели родной сторонки,
И обеспечили для нас
Еще при жизни похоронки.
Сравнив, кто я, и кто они,
Отвечу строчкой многоточий:
То ночи белые, как дни,
То дни бездоннее, чем ночи...

* * *

Страшись безликой тишины,
Когда в безумной круговерти
И жизнь, и смерть обобщены
В таинственное жизнесмертье,

Где по команде слезы льют

И выше смысла ставят фразу,
И любят нищие салют,
И умирают по приказу.

Варлам Шаламов

* * *

Здесь морозы сушат реки,
Убивая рыб,
И к зиме лицо стареет
Молодой горы.

С лиственниц не вся упала
Рыжая хвоя.
Дятел марши бьет на память,
Чтоб бодрился я.

Снега нет еще в распадках.
Не желая ждать,
Побелели куропатки,
Веря в календарь.

Рвет хвою осенний ветер,
Сотрясая лес.
День - и даже память лета
Стерта на земле.

Пещерной пылью, синей плесенью
Мои испачканы стихи.
Они рождались в дни воскресные -
Немногословны и тихи.

Они, как звери, быстро выросли,
Крещенским снегом крещены
В морозной тьме, в болотной сырости.
И все же выжили они.

Они не хвастаются предками,
Им до потомков дела нет.
Они своей гранитной клеткою
Довольны будут много лет.

Теперь, пробуженные птицами
Не соловьиных голосов,
Кричат про то, что вечно снится им
В уюте камня и лесов.

Меня простит за аналогии
Любой, кто знает жизнь мою.

Иван Гренадеров

В карцере Бутырской тюрьмы я сочинил последнее слово
для суда в стихотворной форме.

Привожу его здесь (в сокращении – ред.), хотя произнести его
мне так и не пришлось. (Из воспоминаний И.В. Гренадера)

* * *

Я ни в чем не виновен. И что ж?
Клеветой меня гнусной облили
Так, что стал на врага я похож,
А по ней и в тюрьму посадили!
И попробуй теперь доказать,
Что из лжи состоят обвиненья:
Можешь клясться, терзаться, рыдать, -
Будут тщетны твои объясненья.
Пусть суд ложно меня осуждает.
Не ропщу я, как трус, не дрожу -
Приговор лишь виновных пугает.
Но несчастье не сломит меня,
Не растопчет мой дух и сознание,
Не остудит святого огня,
Что мое согревает дыханье!

...Наступил Новый 1946 год. Этот день ничем не отличался от остальных дней, но его я отметил стихотворением:

Я в новый год вошел под крики вертухая,
Больной, униженный, с тупой тоской в груди.
В просторах прежних лет мысль птицею порхая,
Страшится предсказать, что будет впереди.
А что предсказывать? И так предельно ясно:
Теперь я раб, а раб – не человек.
На эту каторгу я прислан не напрасно:
Быть может, здесь в тайге закончится мой век.
Ну что ж ... Ведь жизнь меня и так не баловала:
Я горькую нужду изведаль с детских дней
И вылезти хотел на солнце из подвала,
Чтоб посмотреть на свет, на жизнь и на людей.
Прощай мечта! Увы, мои желанья
Уйдут со мной, покинув этот свет.
Я так хочу, чтоб кончились страданья ...
Теперь я зэк, а зэк – не человек.

От составителя: Иван Владимирович Гренадеров пережил и выстрадал многое. Но остался человеком, не уступил, не растерял достоинства. Он рядом с нами. Его душевному здоровью и оптимизму поучиться бы нам, кто помоложе...

Отпечатано в ООО «Типограф». Тираж 1500
618540, Пермский край, г. Соликамск,
Соликамское шоссе, 17

